

АНИСТРАТЕНКО Ирина Викторовна 

**РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС НАЧАЛА  
XX в.: ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ  
ГРУППОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ  
(на материале сборника статей «Из глубины», 1918 г.)**

10.02.19 – Теория языка

**Автореферат**  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО  
«Сочинский государственный университет туризма и курортного дела»

*Научный руководитель –*  
доктор филологических наук, профессор  
**Ворожбитова Александра Анатольевна**

*Официальные оппоненты:*  
доктор филологических наук, профессор  
**Стернин Иосиф Абрамович**

кандидат филологических наук, доцент  
**Чепракова Татьяна Александровна**

*Ведущая организация –*  
**ГОУ ВПО «Армавирский государственный  
педагогический университет»**

Защита диссертации состоится «3» июля 2009 г. в 9.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.076.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук при ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Автореферат разослан 2 июня 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000644217

Ученый секретарь  
диссертационного совета

A handwritten signature in dark ink, appearing to be 'Г.Е. Щербань'.

Щербань Г.Е.

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность** проблемы исследования обусловлена отсутствием комплексного языковедческого анализа – на основе достижений антропоцентрической и когнитивной лингвистики, психолингвистики, неориторики – наследия русских религиозных философов. Их отдельные концептуальные построения изучались лингвистами в дискурсивном аспекте (Э.А. Бальбуров, Л.Ю. Буянова, Е.В. Лисицына, Е.В. Сергеева и др.), однако очевидна потребность в системном описании ментально-языкового пространства отечественного религиозно-философского дискурса. Велико внимание современной гуманитарной науки, включая языкознание, к феномену «русского религиозно-философского возрождения» (С.С. Хоружий), ознаменовавшему начало XX в. в России. Переосмысление советского этапа российской истории на рубеже XX–XXI вв. актуализировало обращение к явлениям, оппозиционным по отношению к официальной советской идеологии. Бурная полемика постперестроечного периода<sup>1</sup> вокруг вопроса «Что произошло с нашей страной, почему та идеология, которой мы так долго поклонялись, просто не была в состоянии принести нашему народу мир и благосостояние?» [Ципко, 1990] приняла более спокойные формы, исследования обрели конструктивный характер; ученые обратились к детальному анализу мировоззренческих позиций выдающихся деятелей русской философии, науки и культуры, желавших процветания родной стране, однако насильственно отторгнутых от нее в революционную эпоху. Насущнейшей задачей российского общества на современном этапе его развития является выработка национальной идеи как духовно-этической стратегии российской государственности. Это невозможно без досконального изучения прошлого, обращения к именам тех, кто смог запечатлеть в слове национально-культурную трагедию XX в. Выдающиеся русские религиозные философы, выступив в переломный момент российской истории в сборнике «Из глубины» (1918 г.) в качестве групповой языковой личности, продемонстрировали особый тип продуцента дискурса, который нуждается в детальном рассмотрении специфики его репрезентации в текстовом массиве.

**Объект исследования** – русский религиозно-философский дискурс начала XX века, **предмет** – лингвориторические (ЛР) параметры групповой языковой личности (ЯЛ) продуцентов данного типа дискурса в условиях социально-политической актуализации.

**Материалом исследования** послужил текст издания «Из глубины: Сборник статей о русской революции» (1918 г.) в переиздании 1990 г., в который вошли статьи одиннадцати русских религиозных философов: С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Вяч. Вс. Иванова, А.С. Изгоева, С.А. Котляревского, И.А. Покровского, П.Б. Струве, П.И. Новгородцева, В.Н. Муравьева, С.Л. Франка, – выразивших свои нравственно-мировоззренческие и философско-политические позиции в связи с Октябрьским переворотом 1917 г. в России.

<sup>1</sup> Перестройка 1985 г. осмыслется лингвистами как «начало конца тоталитарного языка» [Купина, 1995].

**Цель исследования** – выявить специфику лингвориторических параметров групповой ЯЛ продуцентов русского религиозно-философского дискурса начала XX века в ситуации социально-политической «мобилизации».

Поставленная цель обусловила следующие **задачи**:

- определить теоретико-методологические основы исследования философского дискурса, рассмотреть его типологию, установить взаимную соотносительность ряда смежных понятий;
- охарактеризовать тематику и метаязык русского религиозно-философского дискурса начала XX в. как уникального культурно-исторического феномена;
- обосновать необходимость введения понятия «групповая языковая личность» по отношению к авторам сборника статей о русской революции «Из глубины», осуществить категориальную разработку данного понятия;
- рассмотреть ЛР параметры групповой ЯЛ продуцентов дискурса сборника, систематизировать выявленные особенности в качестве триггеров синергетического эффекта единого ментально-языкового пространства.

**Гипотеза исследования:** Категориальная разработка понятия групповой ЯЛ уточнит представления о типологии субъекта дискурсивно-текстообразующего процесса; комплексный анализ специфики ее ЛР параметров на избранном текстовой материале послужит моделированию картины мира выдающихся российских деятелей мировой культуры начала XX в., возвращенных в контекст отечественной философии в постсоветский период.

**Теоретико-методологическую основу исследования** составили диалектическая логика, системный подход, философия языка (К.-О. Апель, М.М. Бахтин, Ж. Деррида, М. Фуко и др.); труды в области теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев, Ю.С. Степанов, Е.В. Чернявская и др.), философского дискурса (Г.Б. Гутнер, Е.Н. Ищенко, С.Л. Катречко, Е.А. Кротков и др.), религиозного дискурса (В.И. Карасик, Н.Б. Мечковская, Е.И. Шейгал и др.), русского религиозно-философского дискурса (В.В. Варава, Н. Полторацкий, А.В. Усачев, С.С. Хоружий и др.), антропоцентрического языкознания (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Н. Караулов и др.), психолингвистики и социоллингвистики (В.П. Белянин, А.В. Петровский, Л.П. Крысин и др.), классической риторики и неориторики (Н.А. Безменова, Ю.В. Рождественский, И.А. Стернин, Г.Г. Хазагеров и др.); фундаментальные исследования в области концептосферы и языка русской религиозной философии (Э.А. Бальбуров, Е.В. Сергеева и др.); ЛР парадигма как интегративное направление филологической науки (А.А. Ворожбитова).

Применялись различные **методы** исследования: общенаучные – системного анализа, моделирования, категоризации понятий; языковедческие – описательный, стилистический, дистрибутивный, компонентного и контекстного анализа, лингвориторический; общемонологический метод интерпретации текста.

**Научная новизна** исследования заключается в том, что:

- впервые русский религиозно-философский дискурс начала XX в. исследован в рамках ЛР парадигмы, с учетом референциально-тематического и концептно-метаязыкового критериев текстового маркирования;



- впервые осуществлена категориальная разработка понятия «групповая ЯЛ» применительно к субъекту совокупного дискурсивно-текстообразующего процесса, состоящему из нескольких индивидуальных ЯЛ, объединенных общей интенцией, мотивацией речемыслительной деятельности;

- охарактеризованы этосно-мотивационно-диспозитивные, логосно-тезаурусно-инвентивные, пафосно-вербально-элокутивные параметры групповой ЯЛ русских религиозных философов, репрезентированной в дискурсе сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918).

**Теоретическая значимость** работы обусловлена:

- сопоставительным анализом понятий философского дискурса и смежных с ним (религиозного, научного); уточнением терминологического спектра: *религиозно-философский / социально(политико)-философский дискурс (содержание) / научно-философский, философско-публицистический дискурс (форма)*; определением содержания названных понятий и характера их взаимообусловленности; интерпретацией категории «философский дискурс» с учетом многопараметральной дискурсивной модели;

- представлением тематического и метаязыкового базиса русского религиозно-философского дискурса начала XX в. в качестве инвентивно-элокутивной координации особого типа;

- дифференциацией понятий «коллективная ЯЛ», «совокупная ЯЛ этносоциума», «социостратная ЯЛ», «групповая ЯЛ»; обоснованием термина «групповая ЯЛ», категориальной разработкой данного понятия;

- выявлением специфики параметров самопрезентации групповой ЯЛ и ее комплексной ЛР стратегии, реализованной в ментально-экспрессивном континууме сборника «Из глубины».

**Практическая значимость** исследования обусловлена возможностью использовать его результаты в преподавании вузовских курсов по теории языка, филологическому анализу текста, психолингвистике, социолингвистике, риторике; в спецкурсах и спецсеминарах, обеспечивающих исследовательскую направленность образовательного процесса.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. Философский дискурс определяется как погруженный в социокультурный контекст текстовой массив, продуцируемый языковой личностью, профессионально рефлексирующей на системной научной основе о сущности и процессе человеческого бытия. Конечной целью речемыслительного процесса продуцента философского дискурса является, во-первых, максимально адекватная интерпретация в избранной системе научных координат устройства и законов функционирования мироздания, места в нем человека как субъекта творческих преобразований; во-вторых, – внедрение в сознание реципиента авторской интерпретации действительности как мировоззренческой основы жизнедеятельности.

2. Русский религиозно-философский дискурс начала XX в., будучи национально и исторически обусловленным комплексом мыслительно-речевой культуры, характеризующимся всесторонностью тематики и синкретизмом стиля, является автономным и самодостаточным речемыслительным конструктом,

цель которого – рассмотрение философских вопросов всемирной и русской истории и культуры на мировоззренческой основе православия. Референциально-тематический и концептно-метаязыковой критерии маркирования религиозно-философского текста позволяют выявить оригинальный тематическо-метаязыковой базис русского религиозно-философского дискурса, реализуемый в виде уникальной инвентивно-элокутивной координации в рамках самобытной мировоззренчески-диспозитивной структуры.

3. Под групповой ЯЛ понимается несколько продуцентов совместного дискурса, представленного в концептуальном издательском проекте – коллективной монографии. Совокупность индивидуальных текстов, формирующих дискурс групповой ЯЛ, обладает инвариантным ядром / идиостилевыми наслоениями на уровне трех категориальных рядов ЛР парадигмы: идеологии речевого поступка (этос, логос и пафос в конкретике социокультурно-политической ситуации); уровней структуры ЯЛ (интенциональный спектр прагматикона, когнитивная база идеологической аксиоматики тезауруса, ключевые слова лексикона); риторической технологии дискурсивного процесса (этапы инвенции, диспозиции, элокуции). В сборнике «Из глубины» дискурс-ансамбль групповой ЯЛ образован совокупностью индивидуальных дискурс-практик, порождающей синергетический эффект приращения смыслов в публицистически заостренном воплощении философского содержания на уровне трех групп ЛР параметров.

4. На уровне *этосно-мотивационно-диспозитивных параметров* сущностный признак групповой ЯЛ авторов: транслирование традиционных ценностей русской гуманитарной культуры и православного идеала, преимущественно в аспекте «дальней прагматики» – обусловил типологические черты дискурса «Из глубины»: на уровне композиционной структуры текста – «информационные сгустки» сильных позиций (заголовков, эпиграф, начало / конец текста, авторские отступления); на архитектурном уровне – «ментальное выдвигание» (конвергенция, сцепление, градация) на фоне исторической перспективы (опора на значимые прецеденты русской культуры).

5. На уровне *логосно-тезаурусно-инвентивных параметров* сущностный признак групповой ЯЛ: оппозитивность концептосферы (интеллигенция – народ; большевики – народ; интеллигенция – большевики; революция как разрушение – православие как созидание) – обусловил в качестве типологической черты дискурса «Из глубины» актуализацию тематического спектра «Проблема революции – социальной и духовной», «Русские болезни и их преодоление», «Религиозный антропологизм», «Религиозный космологизм».

6. На уровне *пафосно-вербально-элокутивных параметров* сущностные признаки групповой ЯЛ (эмотивный спектр: идеальная любовь, вера, патриотизм, самоотверженность, созидательность, стремление к познанию, великодушие, ответственность и др.; романтический пафос – от религиозного восторга до гневного обличения; лексико-грамматические предпочтения: общественно-политическая лексика, литературные прецеденты, интерлингвистические инкрустации, библеизмы; сложный синтаксис) обусловили типологические черты дискурса на уровне языковых операций (повтор, словотворчество, модель «что (кто) есть что (кто)») и риторических действий (тропы: метафоры, метафориче-

ские ассоциации, развернутые аналогии; фигуры: риторический вопрос, полисиндетон).

7. Специфика ЛР параметров групповой ЯЛ продуцентов дискурса «Из глубины», благодаря синергетическому эффекту, состоит в усложнении структуры ментально-экспрессивного континуума (ядро – периферия), в расширении ядерной зоны и сужении периферии за счет превалирования общего над частным для данного типа ЯЛ. Ядро образуют общие тематико-метаязыковые элементы, периферию – индивидуальные проявления, находящиеся в рамках референциально-тематического и концептно-метаязыкового базиса русского религиозно-философского дискурса, однако «выступающие за пределы» данного совокупного продукта речетворческого процесса.

**Апробация результатов исследования.** Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты обсуждались на научных семинарах кафедры русского языка Социально-педагогического факультета СГУ-ТиКД, отражены в докладах на XI-й Междунар. конф. «Риторика и культура речи в современном информационном обществе» (Ярославль, 2007), Всероссийских научно-методических конференциях «Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе» (Сочи, 2007, 2008, 2009), научно-методической конференции «Лингвофевраль» (Сочи, 2008), в ряде межвузовских сборников научных трудов.

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе – *«Теоретико-методологические основы лингвориторического исследования русского религиозно-философского дискурса начала XX в.»* – определен статус философского дискурса, рассмотрена его типология; выявлены тематический и метаязыковой базис русского религиозно-философского дискурса начала XX в.; охарактеризована специфика ЛР подхода к его изучению; постулировано понятие «групповая ЯЛ», осуществлена его категориальная разработка.

Понимание дискурса «как интегративной совокупности текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении» [Чернявская, 2003, с. 55] делает ту или иную сферу человеческой коммуникации, область знания, типологию текстов дискурсообразующей характеристикой, что позволяет ученым говорить о существовании институциональных / неинституциональных дискурсов [Карасик, 2002; Шейгал, 2000], а обилие эмпирического материала в области разных видов дискурса побуждает к поиску универсальной теории дискурс-анализа [Переверзев, Кожемякин, 2008].

*Философский дискурс* включает размышления философов по поводу вопросов, которые они считают философскими, ориентирован преимущественно на мышление, познание (бытия) в виртуальном многообразии его форм, структур и уровней [Кротков, 2006, с. 131], обладая рядом типологических характеристик: 1) нелокальностью (всеобщим характером); 2) «беспредпосылочностью»; 3) поверхностностью; 4) неприменимостью прагматического критерия оценки

[Шапошников, 2008]. Такая черта философского дискурса, как «беспредпосылочность», или «предельность» [Гутнер, 2006], позволяет рассматривать его по отношению к другим типам дискурса как *сверхдискурс* (по аналогии с термином *сверхтекст*), занимающий, по словам Б. Рассела, «Ничейную Землю» [Рассел, 2001, с. 20] относительно двух смежных дискурсов: научного и религиозного. Различие между любой другой наукой и философией заключается в характере получаемого знания и в степени рефлексии; различие между религией и философией основано на способе постижения идеальной сущности (духовном / рациональном; коллективном / индивидуальном). Связь между данными интеллектуально-духовными сферами обусловлена устремлением к одной цели – поиску совершенного блага.

Религиозный, научный, социальный, политический, публицистический виды дискурса, взаимодействуя с философским дискурсом, образуют прочное единство, сочетающее в себе черты как основополагающего философского дискурса, так и других дискурсов, конкретизирующих область приложения философского знания (религиозно-философский, социально-философский, политико-философский дискурсы) или характер его представления (научно-философский, философско-публицистический). Среди них особое место занимает «религиозно-философский дискурс», представляющий собой интуитивно-рациональное единство, возможное, поскольку «истинная философия не только не отрицает сознание тайны, неисчерпаемой глубины и безмерной полноты бытия, но, напротив, *всецело опирается на это сознание* и исходит из него как из самоочевидной и первой основополагающей истины» [Франк, 1990, с. 327].

Процесс продуцирования ЯЛ философского дискурса включает три этапа: *креативную стадию* (создание философской идеи), *рационализацию* (установление смысловых связей с существующими категориями), *трансляцию* (передачу другим субъектам мышления) с выходом в социальные аспекты языковой коммуникации, являющиеся предметом изучения разных научных дисциплин – психологии, лингвистики, риторики, логики, педагогики и др. На этапе трансляции философское содержание обретает языковую форму.

Посредством языка философии, согласно «трансцендентальной семиотики» К.-О. Апеля, продуцент регулирует отношения на уровнях как семантики и синтактики (внутри дискурс-универсума, насыщенного постулатами различных философских систем) [Апель, 2001], так и прагматики – с реципиентом данного дискурса. В результате итогом речемыслительного процесса ЯЛ философа выступает текст, написанный в соответствии с требованиями философского дискурса и выступающий в качестве его языковой репрезентации.

Е.Н. Ищенко констатирует, что каноны философского текста никогда не были четко определены, что не препятствовало его идентификации [Ищенко, 2003, с. 198]. Действительно, философское содержание, облеченное в научную форму, однозначно квалифицируется как философский дискурс. Сложность в определении статуса текста возникает при художественном способе изложения философского знания. Так, М. Гирина, исходя из того, что глубина содержания и монументальность формы – величины прямо пропорциональные, настаивает на несовместимости поэтической формы и философского содержания [Гирина,

1998, с. 14–15]. Между тем, Е.А. Кротков говорит о существовании двух литературных форм философского дискурса: 1) *поэтико-афористической* (шире – литературно-художественной) (философские поэмы, диалоги, диатрибы, афоризмы); 2) *научно-прозаической* (философские трактаты, монографии, статьи, учебники), признавая возможность бытования философского знания в художественном облики [Кротков, 2006, с. 131–132]. Разделяя это мнение, подчеркнем, что данная классификация является универсальной и позволяет дифференцировать тексты, учитывая стилистические оттенки философских трудов.

Философский дискурс, несмотря на сверхдискурсивный характер, предполагающий сложное внутреннее устройство и особые механизмы познания, может быть охарактеризован с использованием общей многопараметральной модели [Переверзев, Кожемякин, 2008]. Так, *телеологический параметр* философского дискурса включает в себя категорию функциональности, которая заключается в создании теории, способной стать основой многих наук; *онтологический* – формируется на основе внутреннего устройства, обусловленных существованием норм, традиций, школ и т.д.; *гносеологический* – содержит аргументацию, способы познания и логические механизмы в философском дискурсе; *языковой* – определяет лингвистическую составляющую философского дискурса, особый метаязык, свойственный философии и противопоставляющий ее другим областям науки; *текстовой* – связан с наличием антиномии в области репрезентации философского знания: «научная форма» – «художественная форма»; *контекстный* – является метафизическим, оперируя абстракциями, или, напротив, учитывает широкий исторический, социальный и культурный контекст; *коммуникативный* – опирается на инвентивную / диспозитивную / элокутивную стратегии, определяющие характер взаимоотношений как между его продуцентами / реципиентами, так и между продуцентами разных философских систем внутри общего дискурсивного пространства.

Особой проблемой является определение статуса русской философской мысли в мировом философском дискурсе, в котором традиционно выделяют три основные парадигмы: 1) поиск онтологических оснований и сущностных характеристик бытия как такового; 2) постижение законов и характеристик человеческой познавательной способности и возможностей познания бытия; 3) исследование собственно человеческого бытия; намечается четвертая: утверждение философии культуры путем слияния бытия человека с бытием культуры, с которым связывается будущее философии [Конев, 1991, с. 16–30]. Если в западной философии, на материале которой были выделены парадигмы философского мышления, на первом плане всегда были проблемы либо мироустройства и бытия, либо познания, то интерес русской философии, в силу ее антропологичности, с момента возникновения концентрировался вокруг проблем человеческого бытия, постижения его смысла. В период бурных социально-экономических и историко-политических процессов российская философская мысль обращалась к идеологическим поискам нравственного, политического и эстетического идеалов, к поискам системности в борьбе различных богословских и социально-философских идей, к обсуждению перспектив будущего России, что определило особый полемический характер данного типа дискурса.

Формальный подход, признающий философией лишь дискурс, «скалькированный с великой традиции европейской метафизики» [Лебедев, 1998], значительно сужает дискурсивное пространство философии, оставляя за его пределами величайшие достижения как отдельных крупных мыслителей, так и целых направлений философской мысли. Содержательно-композиционный, собственно языковой, а также прагматический критерии в большей степени способны отразить своеобразие философского речемыслительного процесса и его творческих продуктов. Исходя из них, *русская религиозная философия*, усвоившая и переработавшая идеи западной ветви философской мысли, создавшая собственную оригинальную традицию, к особенностям которой А.Ф. Лосев отнес *мистическое познание сущего, связь с действительной жизнью, преимущественно литературно-художественное изложение* [Лосев, 1991, с. 71], является полноправным значимым компонентом общеправославного знания. Не являясь монолитным речемыслительным конструктом, она развивалась в трех направлениях: 1) *историко-философском* (И.О. Лосский, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и др.), согласно которому русская философия является насыщенной специальными фактами и событиями, социальными потрясениями, отразившимися на динамических характеристиках дискурса; 2) *теологическом* (С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский, С.Л. Франк, В.В. Зеньковский и др.), отождествляющем русское философское мышление с богословием; 3) *мессианском*, в недрах которого сформировалась антиномия: «славянофильство» (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков и др.) – «западничество» (П.Я. Чаадаев, Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, А.И. Герцен), обусловленная различным пониманием идеи исторической миссии России. Главные черты западного направления русской философии – принципиальная внерелигиозность, светскость, сосредоточенность на научно-познавательных и воспитательных задачах; остальные ветви русской философии носили религиозный характер, исследуя сквозь призму веры в Бога «не только основные вопросы духовной культуры, но и главные вопросы социально-политической жизни» [Полторацкий, 2009]. Не интересуясь умозрительными философскими абстракциями, русская религиозная философия строила теорию постижения противоречивой сущности человека сообразно отечественным традициям на основе принципов православной веры, с Октября 1917 г. – в условиях противостояния двух идеологических систем: философий православно-христианской и марксистско-ленинской, большевистской.

Стремление ученых отделить собственно философский дискурс от «философствования», выделить единые лингвистические принципы, возводящие текст в ранг философского, актуализирует вопрос о выявлении закономерностей речемыслительного процесса продуцента собственно философского дискурса и, соответственно, об установлении *критериев маркирования текста в качестве философского*, которые подразделяются на два типа: *референциально-тематический* и *концептно-метаязыковой*. Если в фокусе внимания философов находятся преимущественно первый, то лингвистов интересует прежде всего второй. Однако в свете интегративного ЛР подхода они оказываются в равной степени важными, будучи составляющими инвентивно-элокутивной координаты в рамках особой мировоззренчески-диспозитивной структуры. Ре-



*ференциально-тематическому критерию* маркирования русского религиозно-философского текста соответствуют проблемы, регулярно обсуждаемые и детально разработанные философами на мировоззренческой основе православия под влиянием учения Вл. Соловьева о Всединстве как источнике обновления христианских догм: свобода; соборность; онтологизм; религиозный космологизм; учение о Богочеловечестве; учение о Царстве Божием; гуманизм и его кризис; творчество; смысл истории; социальная правда и социальный вопрос; революция – социальная и духовная; власть; теократия; православие и русский исторический процесс; русские болезни и их преодоление; путь России и русского народа в мире и др. Данный критерий установлен с опорой на типологию Н. Полторацкого, выявившего ключевые проблемы русской религиозно-философской мысли на основе анализа работ В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева. *К концептно-метаязыковому критерию* маркирования русского религиозно-философского текста относятся: концептуальная насыщенность (базовые концепты: *интеллигенция, народ, революция, большевизм, свобода, соборность, любовь, вера, Бог, православие*); оперирование понятиями-символами; синкретизм стилей; образное толкование вводимых понятий; свободное эмоционально-экспрессивное художественно-публицистическое изложение философской концепции как сознательный творческий акт. Названные критерии определяют *тематико-метаязыковой базис* русского религиозно-философского дискурса начала XX в.

Сборник статей о русской революции «Из глубины», завершивший обсуждение социально-философских проблем, начатое в сборниках «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909) в рамках тематики и метаязыка русской религиозной философии, включает одиннадцать статей авторов, крупнейших философов и известных деятелей культуры начала века, которые в рамках целостной концепции сборника выступают, по словам П.Б. Струве, «не поодиночке, а как совокупность лиц, несмотря на различия в настроениях и взглядах, переживающих одну муку и исповедующих одну веру» [Струве, 1990] – как *групповая ЯЛ* продуцента дискурса.

Групповая ЯЛ, противопоставленная индивидуальной ЯЛ, представляет собой особый феномен, нуждающийся в дифференциации со смежными понятиями: «коллективная ЯЛ», «совокупная ЯЛ этносоциума» (А.А. Ворожбитова). Под *коллективной ЯЛ* понимаются не связанные между собой индивиды, осуществляющие дискурсивную практику независимо друг от друга и объединяющиеся в восприятии исследователя, анализирующего общие черты их дискурса [Ничипорович, 1998], между тем, совокупной ЯЛ называется личность, владеющая типами речевых актов, стратификационной моделью и когнитивно-экспрессивными средствами языка, а также знакомая с системой статусных отношений в культуре социума [Сентенберг, 1994, с. 23]. Исследуя особенности общения в малой социальной группе, используют термин «групповая ЯЛ», располагая его между индивидуальной и коллективной ЯЛ и интерпретируя в соответствии с социолингвистическим подходом как объединение лиц под влиянием стратификации общества [Шукина, 2007, с. 11]; в данном случае мы предлагаем термин «социостратная ЯЛ». *Групповая ЯЛ* в нашей трактовке состоит

из индивидов, осознанно формирующих некий совместный дискурс, поскольку группа, с точки зрения психологии, – это человеческая общность, выделяемая на основе определенного признака, например социальной принадлежности, наличия и характера совместной деятельности, особенностей организации и т.д. [Петровский, 1995, с. 310].

Традиционное понимание термина ЯЛ предполагает трехуровневую модель, состоящую из тезауруса, прагматикона и ассоциативно-вербальной сети [Ка-раулов, 1987]. В структуре групповой ЯЛ данные компоненты не являются простым суммарным выражением характеристик индивидуальных ЯЛ. Они выделяются путем синтеза типичных черт, образующих ядро групповой ЯЛ, при этом индивидуальные особенности остаются за его пределами, на периферии. Авторы сборника «Из глубины» представляют собой особую группу людей, связанных *экстралингвистическими* (социокультурными) параметрами: общими биографическими чертами, многолетним сотрудничеством в профессиональной и общественной деятельности – и *собственно лингвистическими* факторами: системой русского языка (синтагматикой и парадигматикой языковых единиц), традициями словоупотребления, образцами стилистики и риторики, общими для лиц одной языковой компетенции. Будучи творческими личностями, они раскрывают свои индивидуальные речевые возможности, идиостилевую специфику, что не является препятствием для выявления и описания с ЛР позиций признаков типологического сходства идиодискурсов философов как групповой ЯЛ на основе наличия общих рамок, «в которых они, при всех их различиях, а нередко и отталкиваниях, творили» [Полторацкий, 2009].

В ЛР парадигме, избранной в качестве методологической основы анализа групповой ЯЛ, параметры анализа – этосно-мотивационно-диспозитивные, логосно-тезаурусно-инвентивные, пафосно-вербально-элокутивные – формируются на основе ряда категорий: 1) *этоса, логоса, пафоса* – идеологических аспектов речемыслительной деятельности групповой ЯЛ; 2) *прагматикона* (мотивационный уровень), *семантикона* (тезаурус, лингвокогнитивный уровень), *лексикона* (АВС, *вербально-семантический* уровень) – уровней структуры собственно ЯЛ как носителя идеологии в ее трояком выражении; 3) *инвенции, диспозиции, элокуции* – этапов универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» – механизма развертывания, воплощения идеологического содержания его носителем, групповой ЯЛ, в дискурсивно-текстообразующем процессе.

В начале XX в. в результате революционных катаклизмов универсум русского национального языка как макродискурс раскололся на две системы ценностей, организующих альтернативные ментальные миры и соответствующие им полярные интерпретации действительности во всех областях социокультурной практики. Относительно монолитная концептосфера [Лихачев, 2001, с. 493] раскололась на две «ЛР картины мира» (А.А. Ворожбитова): *религиозно-философскую*, призывающую реставрировать общество на традиционных основаниях с учетом «нового религиозного сознания», и *большевистскую*, противопоставляющую марксистско-ленинскую идеологию общественному и национальному опыту и апеллирующую в условиях ломки устоев к социальной ненависти. В сложившейся социокультурно-речевой ситуации авторы сборника «Из



глубины», квалифицируемого как гипертекст-полилог, главную задачу видели во всестороннем критическом анализе причин и последствий большевистской революции, в показе роли интеллигенции в ее подготовке. Цель группового выступления за «религиозное возрождение» России против «ереси утопизма» радикальной интеллигенции обусловила полемическую заостренность дискурса, системный характер использования ярких лингвориторических средств.

Во второй главе – *«Лингвориторические параметры самопрезентации групповой языковой личности русских религиозных философов в дискурсе «Из глубины: Сборник статей о русской революции»* – рассматриваются общее ядро и индивидуальная специфика этоса / логоса / пафоса, определяются особенности прагматикона / тезауруса / лексикона, характеризуются уровни диспозитивной / инвентивной / элокутивной тактик групповой ЯЛ, выявляется ее общая ЛР стратегия в рамках русского религиозно-философского дискурса в ситуации его «политической мобилизации» и публицистической актуализации.

Этос как нравственно-философская категория, этическое начало речевого поступка предполагает наличие нравственного закона и его господствующую роль в речемыслительном процессе, осуществляемом продуцентом дискурса. Понимание этоса русскими религиозными философами лежит в области православной морали и нравственности на новых религиозных основаниях, провозглашенных Вл. Соловьевым и поставивших под сомнение институт церкви. Для них безусловной доминантой выступает *православный нравственный закон*, представляющий собой, по словам Ю.С. Степанова, «деонтологическую этику в очень строгом варианте» [Степанов, 2004, с. 782]. Православный этос, обладающий неизменным статусом, противостоит «раздробленному» и ситуативно-экономическому пониманию этики, подчиненной классовому принципу, в соответствии с которым единая нравственность делится согласно «социально-классовым типам личности с их моральными качествами» (*«Очерки этической мысли в России конца XIX – начала XX века»* (М., 1985) на противоборствующие, взаимоисключающие этические системы: «буржуазная мораль» / «пролетарская мораль» – с более частной конкретизацией, например: «мораль буржуазной интеллигенции» / «мораль революционного пролетариата».

Русская революционная мораль представлена в сборнике как «совершенно своеобразное явление»; она «образовалась и кристаллизовалась в левой русской интеллигенции в течение ряда десятилетий и сумела приобрести престиж и обаяние в широких кругах русского общества», поскольку *«средний интеллигентный русский человек привык преклоняться перед нравственным образом революционеров и перед их революционной моралью. Он готов был признать себя недостойным этой моральной высоты революционного типа. В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы»*. При этом парадоксальным образом совмещаются противоположности: *«...революционный морализм имеет обратной своей стороной революционный аморализм», а «сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сходство антихриста с Христом»* (Н.А. Бердяев, «Духи русской революции»).

Сквозь мировоззренческую призму оппозиционного дискурса иронически формулируется суть большевистского этоса: *«Религия, как известно, – детские сказки, выдуманные «прпами» для оправдания «эксплоататоров». Этика и право – тоже продукт умственных ухищрений буржуазии для закабаления эксплуатируемых классов. Реальна только экономика. Фундамент общественной жизни – производство материальных благ. Все остальное – лишь надстройка. Кто овладеет этим фундаментом и перестроит его, тот только и будет настоящим революционером, создающим новые формы жизни»* (А.С. Изгоев, «Социализм, культура и большевизм»).

Русские философы-идеалисты стремятся осмыслить принципы существования человека в рамках большевистского этоса и те социальные последствия, к которым привела новая мораль. Например:

- *«Материалистическое понимание истории» претворилось в грубейшее материалистическое понимание жизни. Все высшие проявления человеческого духа – совесть, честь, потребность в истине, правде и т. д. – исчезли под напором самых элементарных похотей тела. «Экономика» теории превратилась на практике в кошмарный разгул ничем не сдерживаемых звериных инстинктов, в оргию убийств, издевательств и грабежей. Пренебрежение к идеологическим надстройкам»* выросло в чудовищную враждебность ко всему, что носит на себе печать интеллигентности и культуры (И.А. Покровский, «Перуново заклатье»).

- *Социализм – это христианство без Бога. Но при господстве этого своеобразного «христианства» люди не только не работают совместно и дружно, а, как волки, бросаются один на другого, смотрят друг другу в рот, считают куски в чужом рту и вырывают их оттуда вместе с жизнью»* (А.С. Изгоев, «Социализм, культура и большевизм»).

Классовому этосу большевизма, в основе которого лежит уничтожение основы нравственности – веры в Бога, русские религиозные философы противопоставляют такие понятия, как *национальность, государство, культура*, ибо *«личность, теряя связь с этими объективно-нравственными и в этом смысле общеобязательными началами, – сама становится бессодержательной и бедной»* (С.А. Котляровский, «Оздоровление»).

**Прагматикон** ЯЛ включает мотивационные установки, которыми руководствуются продуценты дискурса, и является одним из основных аспектов изучения реализации коммуникативных стратегий автора в дискурсе. Важным компонентом уровня мотивации ЯЛ выступает «речевая воля говорящего» [Бахтин 1997, с. 179] – авторская *интенция*. В основе прагматикона групповой ЯЛ лежит стремление подвергнуть всестороннему анализу кризисные реалии постреволюционной России, осмыслить их причины с нравственных позиций православно-христианской философии. В плане интенциональности и прагматической направленности религиозно-философский дискурс отличается автономностью. Философ не стремится переубедить своих оппонентов, а пытается выстроить свою позицию, так как «аргументы его дискурса есть часть смысла представляемой им точки зрения» [Кротков, 2002, с. 135]; таким образом, стремление авторов сборника высказаться превалирует над желанием быть услышанными в момент высказывания. Специфика прагматических задач, имеющих место при продуцировании религиозно-философского дискурса, привела к

необходимости деления всего прагматического компонента на сферы речевого воздействия: «ближний круг» / «дальний круг». «Веками русский дискурс был устроен так, что дальняя прагматика (ценностная ориентация) едва ли не перевешивала в нем ближнюю» (Г.Г. Хазагеров). Если ближняя прагматика групповой ЯЛ сборника «Из глубины» заключалась в желании донести мысль о крушении в результате революции политических и моральных основ российской жизни, то дальняя прагматика обусловлена целью сформулировать принципы высокой православной идеи и сохранить ее для будущей России.

С мотивационными установками продуцента дискурса тесно связана **диспозиция** развертывания речемыслительного процесса в целом и текста как продукта совокупной творческой деятельности, служащая воплощению авторского мировоззрения. Диспозитивная организация текста включает композиционные элементы, несущие определенную смысловую и стилистическую нагрузку, а также способы их сцепления. Принцип выдвижения, используемый в стилистике декодирования [Арнольд, 1975, с. 205], связывается с современным представлением об информационной структуре текста и выдвижением как «глобальной диспозицией» дискурсивно-текстообразующего процесса, выделяемой наряду с конкретикой диспозитивной организации традиционных «частей речи». В качестве центральных «информационных сгустков» выступают позиции, а) маркированные априорно, самим положением в тексте (например, заглавие), б) созданные особым расположением элементов [Хазагеров, 2002]. С учетом специфики анализируемого текстового комплекса к диспозитивной маркированным позициям мы относим *заголовок, начало и конец текста статьи*; вставные элементы, нарушающие изначально заданное развитие композиции: *эпиграфы, авторские отступления*; а также такие риторические действия дискурсивного уровня, как *конвергенция, сцепление, градиация*.

В близком взаимодействии с типами выдвижения находятся *интертекстуальные* текстовые включения, привносящие дополнительный смысл и экспрессивность в авторский текст. Используя имена писателей – авторитетных для российского общества литературных личностей, авторы статей проясняют свои идейные позиции и в то же время подчеркивают роль культуры в отражении и формировании национального менталитета. Так, П.Б. Струве, анализируя причины и результаты революции в качестве историка и экономиста, использует стилистику публичной лекции. Однако начало и концовка статьи представляют собой цитаты из патриотических воззваний эпохи Смутного времени, и на общем фоне научных рассуждений и дефиниций выдвигаются на первый план прецедентные имена (*Стенька Разин, Емелька Пугачев, Анна Иоанновна, князь Дмитрий Голицын*), актуализируются литературные персонажи и сюжеты:

▪ *Революция, низвергшая «режим», оголила и разнуздала гоголевскую Русь, обрядив ее в красный колпак, и советская власть есть, по существу, николаевский горюничий, возведенный в верховную власть великого государства. В революционную эпоху Хлестаков как бытовой символ из коллежского регистратора получил производство в особу первого класса, и «Ревизор» из комедии провинциальных нравов превратился в трагедию государственности. То, что у Гоголя и Щедрина было шаржем, воплотилось в ужасающую действительность русской революционной демо-*

кратии (П.Б. Струве, «Исторический смысл русской революции и национальные задачи»).

Статья С.А. Аскольдова «Религиозный смысл русской революции» отличается строгой композиционной завершенностью. Пять ее разделов: 1) «Общее в революциях»; 2) «Душа русского народа»; 3) «Распад русской души»; 4) «Святое», «полезное», «дьявольское»; 5) «Торжество зверя» – насыщены интертекстуальными вставками, фрагментами или даже полными текстами произведений А. Блока, Ф.И. Тютчева, созвучные размышлениям философа.

Диалоги С.Н. Булгакова «На пиру богов. Pro et Contra» и в жанровом, и в содержательном отношении сознательно ориентированы на «Три разговора Владимира Соловьева». В них наглядно представлена дискурсивная картина мира, характерная для русской либеральной интеллигенции начала XX в. Реплики собеседников (Дипломата, Писателя, Общественного деятеля, Беженца, Светского богослова) представляют собой оценочные высказывания о мировой войне и революции, насыщенные реминисценциями из хрестоматийных текстов: Библии, древнегреческой мифологии и «Одиссеи», В. Шекспира, сочинений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Н.С. Лескова, Вл. Соловьева, А. Белого, А.А. Блока. Упоминаются гибель Атлантиды, пугачевщина, Минин и Пожарский, теория Дарвина, С. Ковалевская, идеи славянофильства и панмонголизма – излюбленные темы российской интеллигенции, горячо обсуждавшиеся накануне революции. Автор использует цитаты и прецедентные имена без пояснений как хорошо известные предполагаемому читателю символы, которые пронизывают текст, создавая атмосферу погруженности в мировое культурное пространство.

Таким образом, на уровне этосно-мотивационно-диспозитивных параметров можно констатировать, что базой этоса исследуемой групповой ЯЛ является православное религиозное сознание, обогащенное трансформациями философии Всеединства Вл. Соловьева; мотивационная специфика заключается в своего рода «автономности» дискурса: задачей философов в данной ситуации было не всколыхнуть общество, а заявить о своей гражданской позиции; диспозитивная стратегия сопряжена с типами ментального выдвижения и созданием ментальной перспективы посредством интертекстуальности: включение прецедентных имен, сквозных образов, идей, определивших характер русской философии начала XX в., неотъемлемой части этического сознания групповой ЯЛ.

Логос групповой ЯЛ, определяющий замысел дискурсивного процесса, сфокусирован в названии сборника «Из глубины» (по названию статьи С.Л. Франка «De profundis») и подразумевает глубь многовековой истории России, глубины человеческой психики, невидимые основы бытия, построенные на убеждении, что *«положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление»* (П.Б. Струве, «Предисловие издателя»). Модернизация православия, осуществлявшаяся русскими философами по двум направлениям: *новое религиозное сознание и учение о Софии* – лежала в религиозной сфере, что способствовало формированию общего логоса групповой ЯЛ, определившего ее замысел и обеспечившего единство творческого речемыслительного процесса.

Ментально-языковое пространство исследуемого дискурса базируется на концептах *интеллигенция, народ, большевизм, революция, свобода, соборность, любовь, вера, Бог, православие*, определяющих особенности *тезауруса* (лингво-когнитивного уровня) групповой ЯЛ как продуцента особого типа.

Идеология большевизма, рассматриваемая авторами сборника «Из глубины» сквозь призму ЛР картины мира русского религиозно-философского дискурса, предстает как явление вредоносное и опасное – в силу его неуправляемости:

▪ *Вся наша революционная аграрная реформа, эсеровская и большевистская, есть чичиковское предприятие. Она оперирует с мертвыми душами, она возводит богатство народное на призрачном, нереальном базисе* (Н.А. Бердяев, «Духи русской революции»).

▪ *Может, в некоторые «светлые промежутки» у отдельных вожжаков большевизма и мелькала мысль о необходимости остановиться и начать делать хоть какую-нибудь положительную работу, но на этом пути положительного строительства они роковым образом были обречены на неудачу. Тут-то и обнаружилось, что уже не они ведут за собой массы, а массы гонят их* (И.А. Покровский, «Перуново заклатье»).

Вместе с тем фиксируется органическая связь большевистской идеологии с вековыми поисками отечественной интеллигенции:

▪ *И в том, что революция приняла такой вид, виновны не одни большевики, но вся интеллигенция, их подготовившая и вдохновившая* (В.Н. Муравьев, «Рев пламени»).

▪ *Основная причина нынешнего нашего беспримерного государственного разгрома в том, что интеллигенция совершенно не понимала ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития. О человеке, об обществе и государстве наша интеллигенция составила себе фантастические, лживые и ложные представления. Она пользовалась ими как орудиями борьбы с самодержавием* (А.С. Изгоев, «Социализм, культура, большевизм»).

В работах религиозных философов начала XX в. категориями *православие, вера, Бог, соборность* представлена идеологическая программа, которую представляет в дискурсе сборника «Из глубины» групповая ЯЛ. Например:

▪ *Каждый народ, образовавший из себя духовное целое, имеющий свою историю, свою культуру, свое призвание, носит в себе живую силу, которая сплавляет воедино его отдельных членов, которая из этих атомов, из этой пыли людской делает живой организм и вдыхает в него единую душу. Это – та великая сила духовного сцепления, которая образуется около святынь народных; это – сила того Божьего дела, которое осуществляет в своей истории народ. Это – святыни религиозные, государственные и национальные не в смысле общеобязательных догматов и единообразных форм, вне которых все принадлежащее к данному государству и к данной нации отбрасывается и подавляется, а в общем значении руководящих объективных начал, пред которыми преклоняется индивидуальное сознание, которые оно признает над собою господствующими* (П.И. Новгородцев, «О путях и задачах русской интеллигенции»).

Путь к возрождению России, по мнению религиозных философов, лежит через покаяние:

▪ *Велик грех, велико должно быть и искупление. За месяцами греха должны последовать долгие десятилетия покаяния и трудной работы для воссоздания распавшегося отечества* (И.А. Покровский, «Перуново заклатье»)

▪ *Путь к возрождению ведет через незримые слезы великого покаяния* (С.А. Котляревский, «Оздоровление»).

Риторическую **инвенцию**, определяемую кругом вопросов, обсуждаемых продуцентами дискурса, составили проблемы, вышедшие на первый план в социокультурном и историческом контексте России в начале XX в.: «Проблема революции – социальной и духовной», «Русские болезни и их преодоление», «Религиозный антропологизм», «Религиозный космологизм». Выступая в качестве групповой ЯЛ, религиозные философы ставят перед собой вопросы социально-политического характера и решают их в соответствии с единым логосом (словесно-мыслительным началом речи) и сходным тезаурусом (лингвокогнитивным уровнем ЯЛ), опирающимися на базовые концепты дискурса.

**Пафос** есть «идейно-эмоциональное осмысление и оценка изображаемого», «мера эмоционального напряжения, с которым художник утверждает в произведении свои мировоззренческие принципы» [Эстетика, 1989, с. 251–252]. Перечисляя различные виды пафоса: героический, сентиментальный, иронический, романтический, реалистический – А.А. Волков в качестве основных называет «сентиментальный», «романтический» и «реалистический» [Волков, 2008]. Риторическая эмоция (частный пафос) является направлением общего пафоса на конкретную положительную или отрицательную ценность. Пафос, являясь риторической категорией, детерминирован прагматической установкой продуцента дискурса, который должен эмоцией побудить реципиента к действию, пробудить *патриотизм, любовь, веру, мужество, сострадание, познание, ответственность*, и т.д. Сильные текстовые позиции оказываются средоточием пафоса, тип которого зависит от характера использованных в них языковых средств. В рамках приведенной выше классификации пафос групповой ЯЛ продуцента дискурса «Из глубины» является романтическим: повышенно-эмоциональный заряд присутствует на всем протяжении анализируемого ментально-экспрессивного континуума. Авторы не скрывают от читателя отрицательных эмоций – раздражения, протеста, гнева, своего неприятия создавшего «положения дел», они негодуют и обличают.

**Лексикон** групповой ЯЛ в качестве единиц включает «отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой «вербальной сетью» [Караулов, 2002, с. 52]. «Слововыражение предполагает нахождение нужных слов и их эффективное расположение в фигурах речи» [Аннушкин, 2003, с. 362]. Разработанная нами категория продуцента дискурса – групповая ЯЛ – модифицирует данный параметр, в результате чего посредством взаимодействия единиц вербально-семантического уровня индивидуальных ЯЛ, объединенных конкретной задачей речемыслительного процесса, в дискурсивном пространстве сборника «Из глубины» формируется общая ассоциативно-вербальная сеть групповой ЯЛ.

Ключевыми словами всех статей закономерно являются слова *интеллигенция, революция, имена великих русских писателей, литературных персонажей, общественно-политическая лексика, библеизмы*, что указывает на специфику



репрезентации русской религиозно-философской мысли в сборнике «Из глубины» как манифесте гражданской позиции групповой ЯЛ.

**Элокуция** как собственно вербализация референта [Безменова, 1991] представляет собой завершающий этап словесного выражения авторского замысла в тексте как продукте *коммуникативной деятельности*. Разнообразные средства языковой изобразительности и выразительности в ходе исследования сгруппированы на уровне *языковых операций* – лексических и синтаксических, а также на уровне *текстовых, или риторических, действий* – тропов и фигур как метабол разных типов.

*Уровень лексических операций.* Лексико-семантический аспект речевого произведения включает взаимодействующие лексико-семантические группы, повторы ключевых слов. Так, лейтмотивом введения и первого раздела сборника «Из глубины» является рефлексия философских категорий *сущности и явления* применительно к реалиям русской жизни XIX–XX вв. Глубина (т.е. сущность) должна быть выявлена, вскрыта, вынесена на поверхность. Отсюда обилие повторов лексики, обладающей семантическими признаками «раскрывать», «являться», «обнаруживать», «увидеть»; «внешний вид», «одежда», «покров», «основа», «норма», «базис»; «глубина», «бездна», «маска», «обман», «мираж», «призрак», «тайное», «гипноз», «туман», «наваждение», «вихрь», «падение», «гибель» и т.д. Приведем несколько примеров:

▪ *Революция всегда есть в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые, знакомые лица. На поверхности все кажется новым в русской революции – новые выражения лиц, новые жесты, новые костюмы. ...Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину. ...Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи.* (Н.А. Бердяев, «Духи русской революции»).

▪ О человеке, об обществе и государстве наша интеллигенция составила себе *фантастические, лживые и ложные представления* (А.С. Изгоев, «Социализм, культура и большевизм»).

▪ *Именно во время революций обманчивый мираж личной автономии в деле общественного устройства для всех и каждого гораздо сильнее и соблазнительнее, чем когда-либо* (С.А. Аскольдов, «Религиозный смысл русской революции»).

Группы ключевой лексики с семантикой *крушения, катастрофы, болезни, смерти* формируют лейтмотивные для всего сборника темы гибели российской государственности. Например:

▪ *Все мы ошеломлены новым погружением Атлантиды в хаос, катастрофической гибелью нашего материка, вдруг исчезнувшего с исторической карты* (С.Н. Булгаков «На пиру Богов»).

▪ *Ужасная катастрофа* нашего национального бытия легко, конечно, может породить в душах безнадёжность и отчаяние; и это безверие не только преждевременно и морально недопустимо, будучи равносильно отказу от борьбы с болезнью и согласию на национальное самоубийство (С.Л. Франк «De profundis»).

Наблюдаемое в статьях активное использование групповой ЯЛ *окказионализмов* (*смердяковщина, шигалевщина, шерамурство, люциферианство* и др.), возникших от наименований имен собственных на основе базовых слово-

образовательных моделей, иллюстрирует негативную оценку данных явлений, представленных в виде обобщений (*Шерамур* – персонаж рассказа Н.С. Лескова «Шерамур. Чрева ради юродивый») – И.А.).

**Уровень синтаксических операций.** Синтаксис организует пространственную структуру текста в соответствии с авторскими установками. Групповая ЯЛ широко использует синтаксическую модель «что (кто) есть что (кто)» с подстановкой на позиции субъекта и предиката категориально обобщающих понятий. Это характерно для метаязыка науки, в данном случае философии, и отражает специфику мышления продуцентов данного типа дискурса. Кроме того, использование подобных конструкций в текстах религиозно-философского характера связано с высокой степенью их распространенности в книжном русском языке начала XX в., что вызвано усилением роли науки и проникновением научного стиля во все функциональные стили, включая публицистический. Приведем несколько примеров таких «логосных» синтаксических конструкций:

- *...Для теперешней Европы война невыносима и преступна, она есть мерзость пред Господом* (Н.С. Булгаков, «На пиру Богов»).

- *«Справедливое распределение» в смысле получения каждым гражданином достаточного и равного пайка с наименьшими жертвами есть в лучшем случае заключительный потребительный результат социализма* (П.Б. Струве, «Исторический смысл русской революции и национальные задачи»).

**Уровень риторических действий:** образительно-выразительные средства, тропы и фигуры. Наиболее характерным тропом, использующимся групповой ЯЛ является *метафора*, причем у авторов-философов рождается сходный ассоциативный спектр: «революция – взрыв – пожар». Например:

- *И война, и русская революция, несомненно, были подготовлены всею совокупностью предшествующих условий. И, однако, все и могло бы ограничиться этой подготовленностью. Горючий материал может быть подготовлен и, так сказать, соблазнительно лежать, готовый загореться от первой искры, случайно заброшенной* (С.А. Аскольдов, «Религиозный смысл русской революции»).

- *Тогда именно и загорелся мой дом, моя святыня, европейская цивилизация, а от нее запылала и наша соломенная Россия* (С.Н. Булгаков, «На пиру Богов»).

- *При всем избытке взрывчатого материала, накопившегося в народе, понадобилась полугодовая упорная, до иступления энергичная работа разнудывания анархических инстинктов, чтобы народ окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл* (С.Л. Франк, «De profundis»).

Особый элокутивный колорит корпусу статей придают метафоры и аналогии из естественнонаучной области: физико-химические, биологические. Групповая ЯЛ использует в переносном смысле термины типа «молекулярные силы», «центр притяжения», «амплитуда», «инерция», «организм», «органические образования», «прививка» и т.д. Узуальные метафоры, а также другие повторяющиеся образы отражают стереотипность языкового сознания определенной историко-культурной общности – русской интеллигенции начала XX в.

Характеризуя данную триаду параметров, можно констатировать, что групповой ЯЛ продуцентов свойственны романтический пафос, богатство ассоциативно-вербальной сети, публицистический арсенал лингвистических и риториче-



ческих средств (*повторы / модель что есть что, риторические вопросы, метафоры и аналогии широкого спектра*), разоблачительный характер дискурса.

Применение вопросительных конструкций является также показательным для данного типа дискурса; многочисленные риторические вопросы, вопросно-ответные ходы служат фигурами, генерирующими собственно публицистический пафос с экспрессивным лексическим наполнением на общем фоне философских рассуждений с использованием полисиндетона. Например:

■ *И разве народ наш до этого революционного запоя не бывал христолюбив и светел, жертвенен и прекрасен? Станете вы это отрицать? Нет, не станете* (Н.С. Булгаков, «На пиру Богов»).

■ *Что же мы видим ныне, в эти дни буйственной слепоты, одержимости и безжалостства?* (Вяч. Иванов, «Наш язык»).

В целом рассмотренные нами ЛР параметры групповой ЯЛ авторов сборника «Из глубины» моделируют ее самопрезентацию в дискурсивном пространстве русского религиозно-философского дискурса начала XX в. в состоянии полемической мобилизации, в революционной политической ситуации.

В *Заключении* обобщены основные результаты исследования. Его *перспективы* видятся в углубленном рассмотрении обозначенных подтипов философского дискурса в ЛР парадигме, на материале текстов разных философских течений, в частности, сопоставительный анализ дискурсивно-текстообразующего процесса в рамках идеалистической и материалистической философии.

Основное содержание диссертации отражено в следующих *публикациях*:

1. \* Анистратенко И.В. Русский религиозно-философский дискурс начала XX века: групповая языковая личность в состоянии полемической мобилизации («Из глубины: Сборник статей о русской революции») // Вестник Поморского университета. Вып. 4 / 2007. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. С. 86–88.
2. Анистратенко И.В. «Политическое априори» партии-агрессора как способ деформирования традиционной лингвориторической картины мира // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. проф. Ворожбитовой. Сочи: СГУТиКД, 2005. С. 4–8.
3. Анистратенко И.В. К проблеме лингвориторического анализа идеологии большевизма в русском философском дискурсе начала XX века // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. проф. Ворожбитовой. Сочи: СГУТиКД, 2005. С. 8–14.
4. Анистратенко И.В. «Лингвориторическая картина мира» как идеологическая платформа массового речевого воздействия // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: Матер. XI-й Междунар. конф. Ярославль: ЯрГПУ, 2007. С. 20–23.
5. Анистратенко И.В. Идеологическая полемика как тип дискурса: лингвориторические характеристики // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. V Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 200–203.
6. Анистратенко И.В. И.В. Лингвориторические характеристики идеологии большевизма в русском философском дискурсе начала XX века: групповая

языковая личность // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 4–9.

7. Анистратенко И.В. И.В. Исследовательский потенциал отечественной «политлингвистики» в начале III тысячелетия // Лингвофевраль-2008: Матер. VI-й науч.-практ. конф. по проблемам филологии и методики преподавания иностр. языков. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. С. 5–8.

8. Анистратенко И.В. Лингвориторические особенности организации философского дискурса Н.А. Бердяева (на материале статьи «Духи русской революции») // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. VI Всерос. науч.-метод. конф., г. Сочи, 21–22 февраля февраля 2008 г. / Отв. ред. А.А. Черкасов. – Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. – С. 265–268.

9. Анистратенко И.В. О прагматике групповой языковой личности (на материале сборника статей «Из глубины») // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. С. 5–14.

10. Анистратенко И.В. Метафора, сравнение и аналогия как индикаторы индивидуально-авторской манеры в научном стиле изложения (на материале статей сборника «Из глубины») // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. С. 15–24.

11. Анистратенко И.В. Групповая языковая личность: персональные и дискурсивные критерии выявления (на примере текстов статей сборника «Из глубины» (1918) // Коммуникационные системы и текстовые структуры: Научная монография / Под ред. Р.И. Мальцевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 103–116.

12. Анистратенко И.В. Философский / политический / религиозный философско-политический дискурс и групповая языковая личность // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. VII Всерос. науч.-метод. конф., г. Сочи, 20–21 февраля 2009 г. / Отв. ред. А.А. Черкасов. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009 (в соавт.).

13. Анистратенко И.В. Лингвориторические параметры групповой языковой личности (на материале русского религиозно-философского дискурса начала XX в.) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. С. 19–27.

Подписано в печать с готового оригинал-макета 27.05.09 г. Формат 29,7×42/4. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Типография СГУТиКД. 354000, г. Сочи, ул. Советская, 26-а.

$C =$